

**Читайте романы мастеров закрученного сюжета
Анны и Сергея Литвиновых:**

Осколки великой мечты
Быстрая и шустрая
Даже ведьмы умеют плакать
Кот недовинченный
Красивые, дерзкие, злые
Боулинг-79
Пальмы, солнце, алый снег
Наш маленький Грааль
Внебрачная дочь продюсера
Ревность волхвов
Ideal жертвы
Золотая дева
Я тебя никогда не забуду
У судьбы другое имя
Та самая Татьяна
Мадонна без младенца
Семейное проклятие
Изгнание в рай
Над пропастью жизнь ярче

Сериал «Авантюристка»

Отпуск на тот свет
Все девушки любят бриллианты
Проигравший получает все
Второй раз не воскреснешь
Предмет вожделения №1
Оскар за убойную роль
Дата собственной смерти
Парфюмер звонит первым
SPA-чистилище
Вояж с морским дьяволом
Биография smerti
Девушка без Бонда
Три последних дня
Незримая связь

Сериал «Спецкор отдела расследований»

Эксклюзивный грех
Рецепт идеальной мечты
Коллекция страхов прет-а-порте
Ледяное сердце не болит
Одноклассники smerti
В Питер вернуться не все
Через время, через океан
Небесный остров
Несвятое семейство
Ныряльщица за жемчугом
Десять стрел для одной

Сериал «Агент секретной службы»

Звезды падают вверх
Пока ангелы спят
Прогулки по краю пропасти
Трансфер на небо
В свободном падении
Она читала по губам
Вспомнить будущее
Многие знания — многие печали
Вне времени, вне игры
Аватар судьбы

Сериал «Паша Синичкин, частный детектив»

Заговор небес
Дамы убивают кавалеров
Бойся своих желаний
Слишком много любовников

Сериал «Сага о любви и смерти»

Черно-белый танец
Предпоследний герой
Печальный демон Голливуда

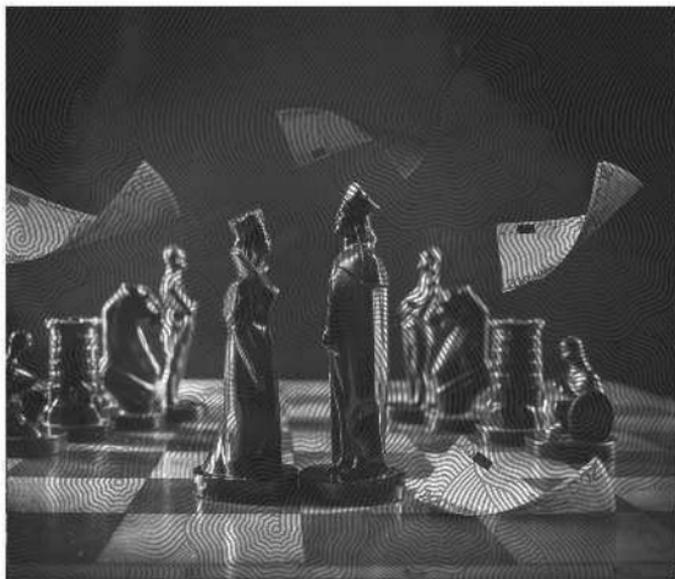
Сериал «Высокие страсти»

Исповедь черного человека
Сердце бога
Бойтесь данайцев, дары приносящих
Здесь вам не Сакраменто

Сборники детективных рассказов:

Любовь считает до трех
Все мужчины любят это
Миллион на три не делится
Плюс-минус вечность
Половина земного пути
Золотой песок времени
Горький инжир

ПРОИГРАВШИЙ ПОЛУЧАЕТ ВСЕ



АННА И СЕРГЕЙ ЛИТВИНОВЫ



Москва
2017

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Л64

Оформление серии *С. Груздева*

Литвинова, Анна Витальевна.

Л64 Проигравший получает все : [роман] / Анна и Сергей Литвиновы. — Москва : Издательство «Э», 2017. — 384 с. — (Знаменитый тандем российского детектива).

ISBN 978-5-699-99276-8

Когда-то они были друзьями — владелец первой в Москве дискотеки и хозяин первого в стране кооперативного кафе. Боб Барсинский стал одним из самых богатых и известных людей в России. А у Андрея Велихова жизнь не задалась. Во всех своих бедах Андрей винит бывшего друга. Он вынашивает мысли о мести, мечтая одним ударом и отплатить обидчику, и разбогатеть. К исполнению хитроумного плана Андрей привлекает свою возлюбленную. Оксана Берзарина умна, энергична и красива. Но она хочет большего, нежели стать пешкой в чужой игре...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-699-99276-8

© Литвинова А.В., Литвинов С.В., 2017
© Оформление.
ООО «Издательство «Э», 2017

Глава 1

Москва.

12 августа, четверг, 10.35

ПАВЕЛ

В профессии частного детектива есть свои прелести. К примеру, возможность откинуться в кожаном кресле и забросить ноги на стол.

Попробовал бы я так развалиться, работая в прокуратуре!..

Я просматривал газету «Криминальная хроника». За минувшую неделю в Москве ровным счетом ничего занимательного не случилось. Да и что могло случиться — в августе, в тридцатиградусную жару, когда криминальные авторитеты и депутаты проводят отпуска в Европах, а их бойцы — в Сочах.

Было, правда, одно убийство в Орехове-Борисове: семнадцатилетнюю девчонку зарезали в постели любовника. Об этом я уже смотрел репортаж по телевизору. Ничего интересного, типичная бытовуха, подумал я тогда, помнится. И, как показали дальнейшие события, жестоко ошибся.

Московское утро уже дышало сквозь распахнутое окно предчувствием дневной жары. Римка, как всегда, опаздывала. Я снял ноги со стола. И очень

вовремя, потому что в офис вошла посетительница. Сказать, что она была эффектна или привлекательна — означало ничего не сказать. У нее был такой вид, будто она только-только с великосветского приема. Нет, я не имею в виду ее одежду. Одежда-то как раз была вполне демократична. Джинсы, облегающая кофточка с длинными рукавами. Но вот ее походка, ее манеры... Она смотрелась так, словно вчера за полночь вернулась с приема у французского посланника, а утречком натянула джинсы и отправилась в народ. Ко мне то есть.

У меня в офисе бывали богатые молодые дамы, заказывали слежку за своими мужьями — новыми русскими. Те, невзирая на бриллианты и тряпки от «Шанель», выглядели, как внезапно разбогатевшие официантки.

Эта посетительница смотрелась, как графиня, попытавшаяся неумело замаскироваться под официантку.

— Позвольте предложить вам кресло, — сказал я аристократически-выспренно вместо обычного «присаживайтесь». Она послушно присела на стул для посетителей.

— Кофе? — спросил я.

Молодая дама кивнула, тряхнув роскошными золотыми волосами. Она сняла темные очки — от «Живанши», как я заметил, причем не на турецком рынке купленные. Я смог рассмотреть ее.

На вид ей было лет двадцать пять. Глубокие голубые глаза, чуть вздернутый носик, полные чувственные губы. На пальцах, в которых она вертела очки, сверкнули бриллианты.

Но под глазами ее залегли тени. Взор был печален и тревожен. А на запястьях, выглядывавших из-под

длинных рукавов кофточки, я в какое-то мгновение сумел определить следы от наручников... Да, я готов был поклясться, что она пришла ко мне не ради пропажи любимой болонки.

Кофеварка зафырчала на подоконнике в Римкином предбаннике и выцедила последние капли кофе. Я взял чашку и, сделав маневр, обошел стол, оказавшись лицом к лицу с посетительницей. Затем поставил чашку на стол и уселся на стул рядом с ней, так что наши колени почти соприкасались.

— Ну-с, — сказал я преувеличенно бодрым голосом (ни дать ни взять доктор-гинеколог), — что привело вас ко мне в столь ранний час?

— Мне порекомендовал обратиться к вам Валерий Петрович Ходасевич. — Тембр ее голоса звучал волнующе.

— О! Валерий Петрович! — воскликнул я.

Валерий Петрович вел у нас на юрфаке спецсеминар по виктимологии. Умный, начитанный, щегольски одетый толстяк. Помнится, я впечатлил его тогда рефератом об особенностях поведения жен, ставших жертвами семейного насилия. Толстяк даже пробормотал мне по прочтении работы что-то вроде: «Примлемо». Это было в его устах высшей похвалой.

— Как он поживает? — полюбопытствовал я.

— Спасибо, хорошо, — сухо сказала она.

— А вы... вы кем ему доводитеесь?

— Я — его падчерица. Но это к делу не относится.

— Как прикажете вас величать?

— Татьяна. Татьяна Садовникова.

Я вытащил из бумажника и протянул ей визитную карточку.

У меня была крайне неподходящая фамилия для частного детектива. Синичкин. Хуже не придумаешь.

Я додумался выходить из положения просто. На визитных карточках в центре я писал большими буквами: ЧАСТНЫЙ ДЕТЕКТИВ. Ниже — тоже крупно: ПАВЕЛ. Получался то ли псевдоним, то ли название фирмы. Или — и того лучше для моей работы — кличка.

В левом нижнем углу визиток было выведено мелким шрифтом: «Павел Синичкин, дипломированный юрист. Лицензия номер...»

Посетительница взяла визитку, поблагодарила кивком головы и мельком взглянула на карточку.

— Ну-с, чем могу быть вам полезен?

— Меня обвиняют в убийстве.

*За две недели до описываемых событий.
Франция, мыс Антиб*

ТАТЬЯНА

«Неужели такое бывает?» — в полудреме думала Таня. Ее как будто качало на теплой морской волне. Тихонько играл магнитофон — специальная расслабляющая кассета. В окно врвался легкий ветерок. С пляжа доносилась ленивая переключка чаек.

Таня блаженно растянулась на высоком массажном столе. Косметичка только что ловко подщипала ей брови и теперь летящими движениями втирала в кожу лица медовую маску.

«У вас идеальная кожа! Только... Только немного неухожена... Почему вы не следите за этим?» — спросила Мари при первой встрече.

Таня улыбнулась. Косметички, массаж, работа над внешностью... Еще недавно все это было просто недоступно.

Пока она училась — стипендии едва хватало на

дискотеки по субботам и колготки раз в месяц. А потом, когда нашла работу, ей все равно было не до этих глупостей. Какие там косметички, если жить негде, а ездить приходится на метро?!

Кажется, всю — или почти всю — жизнь ей приходилось экономить. Отказывать себе в нарядах и развлечениях. И порой даже в еде.

Таня вспомнила свое любимое — и очень дешевое! — блюдо: разогретый в тостере черный хлеб, натертый солью и перцем, плюс «китайская лапша» по рублю за пакетик... Продукты она покупала в захудалом продуктовом магазинчике, а если заглядывала в супермаркет, то всегда перед тем, как подойти к кассе, подсчитывала сумму покупок на калькуляторе. Как-то ей не хватило денег, чтобы расплатиться за батон сырокопченой колбасы. Она чуть со стыда не сгорела, когда кассирша пробурчала под нос: «И чего сюда без денег ходить...»

Как все женщины, Таня частенько мечтала о нарядах от дорогих модельеров и о том, что она объездит весь мир... Но когда это еще будет? Если упорно трудиться — лет через сто! Иногда она останавливалась у витрин бутиков и «примеряла на себя» элегантные платья. Грустно смотрела на цену... И гордо говорила себе: у меня и в джинсах фигура что надо!

А два месяца назад все изменилось. Изменилось колоссально, шокирующе. Татьяна до сих пор никак не могла в это поверить.

Она неожиданно разбогатела. Разбогатела по-настоящему. Все произошло как в сентиментальном романе. Париж, бабулечка-графиня, миллионное наследство... Кто бы поверить мог в такие романтические сказки! Однако в Танином случае сказка стала былью. Она не только обрела во Франции многомил-

лионное наследство, но и встретила любимого человека...

Таня никак не могла привыкнуть к таким изменениям в своей жизни. Ей все казалось, что это просто весенний сон — когда под переключку только что прилетевших с зимовки птиц снится что-то приятное... А потом просыпаешься, понимаешь, что ты вовсе не миллионерша, — но все равно на душе легко. Потому что когда-нибудь ты обязательно разбогатеешь! В двадцать пять лет еще верится: по-иному быть не может!

Но сейчас *это* стало правдой.

Татьяна действительно была богата.

И к тому же любима. У нее был Том.

Том недавно разменял «сороковник». Он уже имел у себя в Америке славу талантливого журналиста. Его очерки охотно публиковали «Нэшнл джиогрэфик» и «Смисониан», а это означало не только признание, но и хорошие деньги. Еще Том был сногшибательно остроумным и веселым собеседником. Таня обожала его забавные скетчи и непредсказуемые розыгрыши. А также то, что в нем напрочь отсутствовал свойственный американцам национальный снобизм.

Тане нравились его роскошные усы и молодое, тренированное тело. С ним было надежно и уютно. Если бы он не был так занят своей книгой...

Целыми днями Том сидел, закрывшись в своем кабинете. В ее распоряжении были лишь вечера, которые они проводили в дорогих ресторанах Ниццы, Монако или Монте-Карло. И конечно, им принадлежали ночи. Упоительные французские ночи. Полные то возвышенной нежности, то почти животной страсти.

Том относился к Таниному богатству без всякого пиетета. Он усмехался, когда она тщательно обсуждала с официантами в ресторанах дорогие вина. Улы-

бался в усы, когда с Татьяной заигрывали продавцы дорогих машин или бриллиантов. Но все ее «богатые развлечения» поощрял. Научил ее лихо ездить на лошади и играть в поло. Показал, как делать «полицейский разворот» на новеньком мощном «Пежо-406»-купе. Выслушивал ее восторженные описания теннисных матчей.

Пусть девочка будет при деле.

* * *

Татьяна долго привыкала к своему богатству.

Когда она входила в парадную гостиную виллы, которую они с Томом сняли на лето, то до сих пор колебалась, прежде чем сесть в роскошное гобеленовое кресло. Ей все казалось, что сейчас откуда-нибудь выскочит музейная старушка-хранительница и проскрипит: «Экспонат! Руками не трогать!» И ей придется поспешно вскакивать с мягкого сиденья и униженно извиняться...

Таня никак не могла поверить в то, что теперь она имеет полное право сидеть в раритетном кресле семнадцатого века.

А какие на вилле были потолки! Что там мечта советского человека — три пятьдесят с лепниной! Только на одном этаже их особняка можно было уместить — в высоту — пару-тройку типовых квартирок...

А по площади — целый подъезд.

Татьяна с наслаждением валялась на медвежьей шкуре у камина. Сама придумывала и смешивала экзотические коктейли — из таких напитков, о которых раньше не мечталось. Накупила груду компакт-дисков — у них на вилле стояла централизованная стереосистема, и классика здесь звучала просто божественно.

У нее появилась горничная, которая объяснила своей хозяйке, что грязное белье совсем не обязательно складывать в пакет и, тем более, самой замачивать — достаточно просто бросить его на пол. И постель убирать не нужно: «Извините, мадам, но у вас не очень хорошо получается расправлять покрывало».

Они наняли кухарку. Та запретила Татьяне даже входить на кухню: «Вы можете объяснить мне, как готовится этот борсч, в гостиной!»

Таня даже Тому пожаловалась: «Я хочу сама приготовить тебе обед!» Том засмеялся: «Танешка, так принято. В богатых домах кухарки всегда так себя ведут. Считается, что кухня — их вотчина. Привыкай!»

У Тани появились личные косметичка и массажистка, маникюрша и парикмахер. Наняла она также тренера по теннису. Категорически отказалась только от водителя — ей нравилось самой носиться на новеньком «Пежо» по узким горным дорогам и нарушать при этом все французские правила движения.

Она полностью обновила весь гардероб и вняла советам стилистов, утверждавших, что платья идут ей гораздо больше, чем джинсы. Каждый день заказывала кухарке какое-нибудь новое блюдо. Обнаружила, что ухаживать за собой — занятие приятное, но требующее чертовски много времени.

«Сейчас сделаем массаж, потом освежим личико жидким азотом», — щебетала по-французски косметичка.

Таня не слушала. Она просто наслаждалась. Тем, что расслабленно раскинулась на массажном столе. Тем, что кто-то работает над ее внешностью. И тем, что у нее хватит денег расплатиться — какую бы цену ни назвала Мари...

...«Халявный корт, я нашел халявный корт! — возбужденно говорил Игорь. — Серьезно, бесплатный!» Таня вспомнила, как они тогда в Москве часа полтора расчищали поле от камней и осушали импровизированной метлой лужи. Потом с трудом натягивали не подходящую по длине волейбольную сетку — а что делать, настоящая теннисная стоила в три раза дороже. Когда все было готово, даже играть не хотелось — так они устали.

Это было воспоминание из той, далекой и почти нереальной московской жизни.

В клубе «Ле солей франсэ» корты были в идеальном состоянии. Мальчишки-негритята подстригали траву по два раза в день. Сетку каждое утро проверял менеджер — хорошо ли натянута и нет ли в ней дырок.

А вот играли тут неважно. Да, у членов клуба была поставлена техника. Ракетки они держали правильно. Подавали — как на картинке из пособия по теннису. Но не было в их игре куража, азарта... Они словно бы отбывали оздоровительную повинность: «*В моем органайзере выделено два часа на теннис...*»

Танин тренер, загорелый молодой француз, пришел в ужас от ее техники. И честно взялся переучивать. Он терпеливо показывал ей, как делать правильный замах и как набегать на мяч. Демонстрировал подачу. Обучал игре с лету... Таня терпела это занудство целую неделю. А потом быстро расставила все по своим местам: «Слушай, Филипп! Я буду платить тебе триста франков сверху. Но только за эти деньги ты будешь со мной *играть*. Играть в полную силу».

Филипп согласился. Теперь они занимались теоретически правильным теннисом всего полчаса, а потом играли на счет. И тренеру быстро пришлось

признать, что Татьяна — со всей своей неправильной техникой — создает ему немало проблем. Иногда она доставала совершенно «глухие» мячи — не потому, что знала, как их брать, а просто из-за того, что ей ужасно хотелось выиграть.

После тренировки они частенько пили вместе кофе с минералкой, и Таня с интересом расспрашивала Филиппа о его детстве, родителях и увлечениях. Он охотно рассказывал. Ему нравилась клиентка из России. Судя по всему, богачка, но совсем не зазнается и не воротит нос от простого тренера.

Вот и сегодня Том застал их за оживленной беседой. Филипп изображал какого-то скучного богатого клиента — говорил басом и важно откашливался, а Таня весело хохотала.

Том остановился за зеленой изгородью и прислушался — хотя не понимал по-французски. Татьяне явно было хорошо. Она наслаждалась. Наслаждалась ярким летом, игрой в теннис и обществом молодого веселого тренера. Пожалуй, она совсем не будет рада, если он сейчас к ней подойдет.

Холодный ножичек будто слегка кольнул его в сердце: а вообще, нужен ли он Тане? Нужен ли ей — в свои сорок с хвостиком, со своей мечтой написать супербестселлер и привычками старого холостяка?

Таня казалась такой молодой и беззаботной с этим внезапно свалившимся на нее богатством... Он смотрел на юное беспечное лицо и понимал: Танечке скучно играть роль *примерной жены*. Скучно быть просто «при нем». Ей хочется своей, веселой жизни. Наполненной яркими событиями и волнующими приключениями.

Неужели Таня — эта милая русская барышня — ему совсем не пара?

Том облокотился на изгородь и задумался.

Нет, он не собирается так легко сдаваться. И отпустить Таню в бурное море новых знакомств и приключений. Ее просто надо развлечь. Если он предложит ей слетать домой, повидать маму, друзей, — наверно, она обрадуется?

* * *

Таня прилетела в Москву из Парижа в понедельник, 2 августа, рейсом «Эр Франс» № 1944. В Шереметьеве-2 ее встречали мама, Юлия Николаевна, и отчим, Валерий Петрович.

После двух месяцев, проведенных во Франции, она ощущала себя совсем чужестранкой. В аэропорту ее сразу же неприятно поразил тусклый свет. Он был совсем не таким ослепительным, избыточно ярким, как в Орли, в аэропорту имени Шарля де Голля, который она покинула всего четыре часа назад. Казалось, родному Отечеству есть что скрывать в этом тусклом свете. Есть чего стыдиться.

Тетенька в синем сатиновом фартуке мыла замызганный пол, совсем не обращая внимания на проходивших мимо пассажиров с парижского рейса.

Таня встала в очередь на паспортный контроль. Очереди к пограничникам стоят во всех аэропортах мира. Но везде они расслабленные, радостно оживленные — в предвкушении новой страны, занимательных впечатлений. В Москве очередь была насупленная, напряженная, словно в кабинет к дантисту. Может, эта напряженность происходила оттого, что женщины-пограничницы никому не улыбались и, уж конечно, не перебрасывались с пассажирами шуточками — как это заведено у парижан.

Подошла Танина очередь. Прапорщица взяла Татьянин «серпастый-молоткастый», хмуро взглянула